

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

Е. П. Островская

М.И. Тубянский (1893–1937) как представитель отечественной научной школы¹

Статья посвящена комплексному анализу деятельности и научного наследия востоковеда-санскритолога, ученика Ф.И. Щербатского — М.И. Тубянского (1893–1937). В статье отмечается, что вплоть до настоящего времени в истории российского востоковедения отсутствуют работы, выявляющие логику развития научных интересов М.И. Тубянского, что обуславливается тематической разнонаправленностью трудов ученого и относительно небольшим числом его публикаций. Опираясь на документы и материалы, хранящиеся в фондах Архива востоковедов ИВР РАН и СПбФ АРАН и литературные источники, автор статьи показывает смысловую целостность научного наследия М.И. Тубянского, воплощавшего в своих исследованиях программные направления деятельности Санкт-Петербургской буддологической школы в период 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: буддизм, Санкт-Петербургская буддологическая школа, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатский, М.И. Тубянский.

Михаил Израилевич Тубянский (1893–1937) вошел в историю отечественного востоковедения первой трети XX в. как индианист-санскритолог, оставивший после себя труды, весьма далекие друг от друга по своей тематике. За 18 лет работы в науке, девять из которых были проведены в Монголии, он успел позаниматься изучением буддийских рукописей в Азиатском музее, заложить основы российской бенгалистики, вскрыть пласт тибетоязычного письменного наследия монгольских авторов-буддистов, изучить типологические особенности тибетской медицины и номадический тип традиционного хозяйства монголов. М.И. Тубянский проявил себя и как организатор академической науки в Монголии — в содружестве с местными учеными он инициировал составление тибето-монгольского словаря и словаря-справочника по тибетской медицине.

Такая разнонаправленная, на внешний взгляд, научная деятельность М.И. Тубянского существенно затрудняла целостную оценку его вклада в науку, тем более что большая часть его трудов, как принято считать, была в 1936 г. оставлена на хранение в Монголии и оказалась безвозвратно утраченной. Как ученик Ф.И. Щербатского он принадлежал к Санкт-Петербургской (Ленинградской) буддологической школе, и в данной статье мы попытаемся показать

---

¹ Статья написана в ходе исследования, проводящегося при финансовой поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта «История изучения буддизма в материалах и документах 1900–1920-х гг. Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН»; проект № 10-01-00252а.

единство логики развития исследований М.И. Тубянского именно в качестве представителя отечественной научной школы.

Материалы и документы, характеризующие деятельность М.И. Тубянского, хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН в персональном фонде ученого (АВ ИВР РАН. Ф. 53) и в фондах СПбФ АРАН. Но долгое время их изучением никто не занимался, поскольку в 1937 г. М.И. Тубянский подвергся политическим репрессиям и был посмертно реабилитирован только 30 лет спустя. С 1960 г. в востоковедной литературе начали появляться краткие очерки отдельных сторон его вклада в науку².

Сведения о жизненном пути ученого собраны еще далеко не полностью. Из личного дела³ известно, что М.И. Тубянский родился 17(30) октября 1893 г. в Санкт-Петербурге, в семье банковского служащего, еврея по этническому происхождению. Право на проживание вне черты оседлости семья Тубянских получила в силу того, что ее глава, отец будущего ученого, обладал дипломом о юридическом образовании. Такое право в Российской империи имели все подданные-иудеи, являвшиеся дипломированными специалистами. Благодаря заботам отца М.И. Тубянский провел свои школьные годы в одном из лучших средних учебных заведений России — Реформатском училище⁴, где он обучался по гимназическому курсу, дополненному углубленным преподаванием политической географии, основ права, математики, немецкого и голландского языков.

Хотя у юноши рано проявились лингвистические способности, желание заниматься древними языками и социогуманитарными дисциплинами, он по окончании училища поступил в 1911 г. на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, следуя совету отца. Личные познавательные интересы М.И. Тубянский первоначально реализовывал в Еврейском историко-этнографическом обществе⁵, участвуя в деятельности его исторической комиссии.

Увлеченность М.И. Тубянского древними языками углублялась, и в 1915 г. он перевелся на историко-филологический факультет. Изучение санскрита под руководством Ф.И. Щербатского, крупнейшего знатока письменного наследия

² См.: Зограф, 1960, с. 163–164; Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1972, с. 162–165; Гнатюк-Данильчук, 1990, с. 216–230; Ермакова, 2011, с. 33–37).

³ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 610.

⁴ Реформатское училище (Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 38) было учреждено в 1818 г. как всесословное учебное заведение, патронируемое протестантскими конфессиями. В училище ежегодно аттестовалось не более 20 выпускников, наделявшихся правом поступления на военную и статскую службу, а также в российские и зарубежные университеты. Училище было закрыто в 1918 г. в связи с ограничением деятельности инославных и иностранных церковных организаций.

⁵ Научное общество, созданное в 1908 г. по инициативе ученого-историка М.С. Дубнова для собирания и исследования материалов по истории и этнографии евреев России и Польши. С 1923 г. деятельность общества ограничивалась территориально Петроградом и Петроградской губернией, а в конце 1929 г. была директивно прекращена.

древней и раннесредневековой Индии, определило его дальнейшую специализацию — М.И. Тубянский принял решение стать индианистом-санскритологом.

Ф.И. Щербатской, остро заинтересованный в подготовке перспективных молодых кадров, вскоре ознакомил одаренного и трудолюбивого студента с теоретическими подходами отечественной индианистической школы, основанной И.П. Минаевым (1840—1890).

В российской индианистической филологии раньше, чем в западноевропейской, еще в XIX в., наметилась тенденция сочетания проблематики классического востоковедения с изучением письменных памятников на новоиндийских языках (Зограф, 1972). Но вопрос о необходимости исследования литературных традиций, сложившихся на хинди, бенгали и других языках полиэтнической Индии, был отчетливо поставлен именно И.П. Минаевым, учителем С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского. И одновременно именно И.П. Минаев выдвинул в качестве перспективной научной задачи проблему исследования истоков буддийской литературы на санскрите. Прежде западноевропейские ученые-буддологи отдавали предпочтение памятникам южной буддийской традиции на языке пали. Они считали эту традицию наиболее древней и единственно аутентичной в аспекте изложения религиозной догматики, поскольку наука располагала полным собранием так называемого палийского канона (Типитаки) — сводом буддийских канонических текстов на языке пали. И.П. Минаев впервые обратил внимание научного сообщества на археологические артефакты — рельефы на руинах Бхархутской ступы, свидетельствующие о том, что в период кодификации палийского канона на севере и северо-западе Индийского субконтинента функционировала столь же древняя буддийская традиция, лингвистическими средствами которой могли служить такие языки, как санскрит и северо-западные пракриты — гандхари и другие (Вигасин, 2008, с. 150—153). Эта гипотеза подтвердилась полностью в конце 1880-х гг., когда в Азиатский музей к С.Ф. Ольденбургу и в Калькутту к постоянно работавшему там немецкому ученому А.Ф.О. Хёрнле начала поступать информация о находках в Восточном (Китайском) Туркестане рукописей, содержавших фрагменты буддийских канонических текстов на санскрите.

«Северный буддизм», как было принято называть санскритскую буддийскую традицию в то время, стал главным объектом изучения Санкт-Петербургской буддологической школы, созданной С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским. Важность изучения письменных памятников северного буддизма определялась прежде всего тем, что именно эта традиция продвигалась исторически в Центральную Азию и на Дальний Восток. Хотя санскритские оригиналы канонических текстов получили известность в 1900—1910-х гг. лишь в фрагментах, в распоряжении ученых имелись их переводы на тибетский и китайский языки. И этим определялось развитие палеографического направления в русле Санкт-Петербургской буддологической школы. Его основы заложил С.Ф. Ольденбург (Воробьева-Десятовская, 2011, с. 15—24).

Ф.И. Щербатской сосредоточил свое внимание на буддийском постканоническом наследии. Преимущественным предметом его изучения выступали трактаты (шастры) по науке логики и теории познания. Санскритская терминология науки логики и гносеологии могла быть вполне адекватно передана средствами европейского философского понятийного аппарата, прекрасно известного любому выпускнику классической гимназии, так как изучение логики входило в гимназический курс. Ф.И. Щербатской, занимаясь изучением буддийских трактатов по науке логики, доказал, что в Индии и странах распространения буддизма развивалась столь же значительная и изощренная в своих теоретических концепциях мыслительная традиция, сколь и в античном Средиземноморье.

Наряду с этим, как показал его ученик О.О. Розенберг в своей монографии «Проблемы буддийской философии» (1918 г.), именно теоретические трактаты являются ключом к пониманию содержания буддийской догматики, изложенной в канонических сутрах (проповедях и наставлениях Будды Шакьямуни), поскольку в трактатах даются строгие, с точки зрения науки логики, определения понятий и специальных буддийских терминов.

Ф.И. Щербатской во второй половине 1910-х гг., когда его учеником стал М.И. Тубянский, добился выдающихся успехов в развитии историко-философского направления в деятельности Санкт-Петербургской буддологической школы⁶. Он упорно занимался как профессор университета подготовкой научной молодежи, способной работать с широким кругом буддийских источников на санскрите и тибетском языке, а также изучением памятников индийской художественной словесности. Наряду с этим он стимулировал интерес будущих индианистов к освоению новоиндийских языков.

М.И. Тубянский, следуя пожеланиям учителя, в годы студенчества самостоятельно овладел бенгальским языком и глубоко увлекся творчеством Рабиндраната Тагора, удостоенного в 1913 г. Нобелевской премии за сборник стихов «Гитанджали». В год окончания университета (1919) М.И. Тубянский опубликовал свой перевод произведения великого бенгальского писателя «Гений Японии».

С 1920 по 1927 гг. М.И. Тубянский совмещал занятия бенгалистикой с буддологической научно-исследовательской работой в Азиатском музее. Выполненные им переводы прозы, поэзии и мемуаров Р. Тагора вошли в семитомное собрание сочинений писателя, выпущенное в Ленинграде в 1924–1927 гг. В этом издании М.И. Тубянский выступал также редактором-составителем и автором примечаний.

⁶ В связи с успехами этого направления Ф.И. Щербатской позднее отмечал: «Все знают, что так называемые индийские шастры можно изучать только или в Индии, или у нас, в нашей школе в Ленинграде». См.: СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 1, ед. хр. 153. Л. 5. Как лидер историко-философского направления мировой буддологии того времени Ф.И. Щербатской выступил в 1917 г. инициатором международного проекта исследования фундаментального памятника буддийской мысли — трактата «Абхидхармакоша» («Энциклопедия буддийской канонической философии») Васубандху (IV–V вв.).

В тот же период М.И. Тубянский занялся преподаванием бенгальского языка в учрежденном в 1920 г. по постановлению Совнаркома Центральном институте живых восточных языков, именованном с 1924 г. Ленинградским восточным институтом⁷. Никакой учебно-методической литературы по этому новому предмету еще не существовало, и М.И. Тубянский преподавал бенгали по собственной методике, а также составил первую отечественную хрестоматию по бенгальской литературе (Тубянский, 1923). С 1925 по 1927 гг. он параллельно преподавал бенгальский язык и на восточном факультете Ленинградского государственного университета. Его талантливый ученик — бенгалист-филолог Л.С. Зимин (1880—1942), выпускник Ленинградского восточного института, внес значительный вклад в составление первого бенгальско-русского словаря, подготовленного на базе Института востоковедения АН СССР в конце 1930-х гг.

Деятельность М.И. Тубянского разворачивалась не только в сфере науки и образования. В 1917 г., еще будучи студентом, он начал сотрудничать в качестве переводчика с Петроградским телеграфным агентством, снабжавшим российскую прессу зарубежными новостями. Затем он занял должность референта иностранной прессы в Бюро информации Союза коммун Северной области, которое позднее вошло в структуру Исполкома Коминтерна. Работа М.И. Тубянского в данной организации завершилась в 1923 г., когда все коминтерновские учреждения были передислоцированы в Москву.

Этот аспект деятельности М.И. Тубянского стимулировался необходимостью добывать дополнительные средства к существованию. Как и большинство ученых того времени, он бедствовал и был вынужден пополнять свой скудный бюджет за счет посторонних приработков.

Позднее М.И. Тубянскому пришлось заняться переводами произведений западноевропейской беллетристики. Но и в этой факультативной для него области ученый проявил себя как талантливый первопроходец, выполнив с голландского оригинала перевод романа Мультаули (Эдуарда Доуса Декера, 1820—1887) «Макс Хавелар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества» (Мультатули, 1927). До него произведения Мультаули были известны русскому читателю только во вторичных переводах, делавшихся с англоязычных изданий. Введение и примечания, которыми М.И. Тубянский снабдил свой перевод, раскрывали историко-культурный контекст романа, разоблачавшего грабительскую деятельность Голландской Ост-Индской компании в утративших независимость государствах Малайско-индонезийского архипелага.

В Азиатском музее РАН, в штат которого М.И. Тубянский был принят в 1920 г. на должность научного сотрудника, он в течение шести последующих лет занимался подготовкой к изданию тибетской и китайской версий индийского

⁷ Центральный институт живых восточных языков неоднократно переименовывался: с 1922 г. он назывался Петроградским, а с 1923 г. — Ленинградским. См.: Справочные сведения по ПИЖВЯ (1920—1923 гг.). Л., 1924. Об учебно-методической работе М.И. Тубянского в данном вузе см.: Кононов, Иориш, 1977. С. 24, 29, 30, 35, 57.

трактата по науке логики «Ньяя-правеша». Санскритский оригинал этого буддийского сочинения⁸, созданного в середине I тыс. н.э., был обнаружен учеником немецкого буддолога Э. Леймана — индианистом-палеографом Н.Д. Мироновым (1880—1936), проводившим каталогизацию коллекций рукописей из Южной и Юго-Восточной Азии в Азиатском музее и Публичной библиотеке. В связи с этой находкой Ф.И. Щербатской и С.Ф. Ольденбург планировали плодотворный научно-издательский проект. Предполагалось, что Н.Д. Миронов подготовит для издания в серии «Bibliotheca Buddhica» санскритский текст «Ньяя-правеша» с комментарием Харибхадры «Ньяя-правеша-тика»⁹, М.И. Тубянскому поручалась подготовка тибетского и китайского текстов, снабженных трехязычным (санскритско-тибетско-китайским) индексом специальной терминологии. Воплощение этого замысла могло открыть новую перспективу изучения процесса адаптации индубуддийских логико-теоретических концепций в инокультурном ареале — на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Важно отметить, что интерес к «Ньяя-правеше» имелся у Ф.И. Щербатского еще в период подготовки его докторской диссертации, предметом которой являлись трактаты по науке логики Дигнаги (VI в.) и Дхармакирти (VII в.). Автор «Ньяя-правеша», Шанкарасвамин, был учеником Дигнаги. Он разрабатывал концепции, исключительно важные, с точки зрения буддологического источниковедения, для раскрытия тех эпистемологических моделей философского мышления, которые использованы Васубандху в трактате «Абхидхармакоша» и в программном тексте махаянской школы Виджнянавада «Виджняптиматра». Произведение Шанкарасвамина в переводе на китайский язык, как удалось выяснить О.О. Розенбергу, служило основой изучения буддийской логики в Японии, о чем он сообщал в своем письме Ф.И. Щербатскому от 12 мая 1913 г. (Письма О.О. Розенберга из Японии // Вигасин, 2008, с. 484). Розенберг перевел с китайского языка «Ньяя-правешу» и переслал свой перевод учителю. Таким образом, порученная в 1920 г. М.И. Тубянскому подготовка издания тибетского и китайского текстов этого трактата базировалась на уже имевшемся к тому времени научном заделе и соответствовала программному аспекту деятельности ученых Санкт-Петербургской буддологической школы.

Но обстоятельства воспрепятствовали осуществлению данного замысла. Ушедший в эмиграцию Н.Д. Миронов опубликовал санскритский оригинал трактата в Лейдене, в журнале «Young Rao». А типографский набор тибетского и китайского текстов был приостановлен по причине недофинансирования. В фонде № 53 АВ ИВР РАН отложились гранки этой подготовленной М.И. Тубянским в 1926 г. работы — 21 страница тибетского и 76 страниц

⁸ Санскритская рукопись «Ньяя-правеша» (20 лл. на деванагари без окончания) хранится в индийском фонде Отдела рукописей и документов ИВР РАН (шифр П, 152).

⁹ Комментарий в жанре «тика» представляет собой пословное разъяснение понятийно-терминологического аппарата комментируемого текста. Санскритская рукопись «Ньяя-правеша-тика» хранится там же (шифр IV, 8).

китайского текстов. Исследовательское введение к ней, посвященное проблеме авторства трактата, было опубликовано в виде отдельной статьи (Tubyansky, 1926).

Оба лидера Санкт-Петербургской буддологической школы по достоинству оценивали высокие профессиональные и личные качества М.И. Тубянского.¹⁰ Именно ему они доверили разбор буддологического рукописного наследия китаеведа и тибетолога акад. В.П. Васильева (1818–1900), участвуя в анализе разбираемых материалов совместно с молодым исследователем. В аспекте буддологического источниковедения важность этой работы объяснялась тем, что в рукописях В.П. Васильева содержались сведения о китайских и тибетских переводах утраченных текстов санскритской Винаи — религиозно-дисциплинарного раздела канона школы Муласарвастивада, что пролиvalo свет на процесс распространения буддизма за пределы Индии. Результаты первичного обследования рукописей В.П. Васильева нашли отражение в двух коллективных публикациях, вышедших в свет в 1927 г.

С середины 1920-х гг. С.Ф. Ольденбург как организатор науки задался целью учредить в составе АН СССР специализированный буддологический научно-исследовательский институт во главе с Ф.И. Щербатским (Ермакова, 2011). Планируемое название — Институт буддийской культуры — было призвано подчеркнуть комплексный характер его деятельности, направленной на изучение историко-культурных процессов во всем географическом ареале распространения буддизма — в Южной, Центральной, Восточной Азии и на Дальнем Востоке. В политическом отношении указанные регионы весьма интересовали деятелей Коминтерна и руководство СССР. Учитывая это, непреременный секретарь АН СССР С.Ф. Ольденбург надеялся на одобрение его научно-организационной инициативы со стороны директивных инстанций. К разработке проекта устава Института буддийской культуры (Ермакова, 2011, с. 206–209) и написанию соответствующей объяснительной записки он привлек не только Ф.И. Щербатского, но и М.И. Тубянского. Этот документ, озаглавленный «Институт буддийской культуры», был в 1927 г. опубликован в «Известиях АН СССР» (Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927).

Однако поработать в составе Института буддийской культуры, официально учрежденного в 1928 г. и функционировавшего в течение двух последующих лет¹¹, М.И. Тубянскому не пришлось. В 1927 г. он отбыл в плановую научную команди-

---

¹⁰ В сентябре 1922 г. С.Ф. Ольденбург писал находившемуся в Лондоне Ф.И. Щербатскому о М.И. Тубянском: «Я научился его ценить: дельный, умный, толковый, симпатичный человек». См.: Переписка Ф.И. Щербатского и С.Ф. Ольденбурга // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 361.

¹¹ В 1930 г. Институт буддийской культуры вошел в состав созданного в результате комплексных преобразований Института востоковедения, где центром буддологических исследований стал Индо-тибетский кабинет.

ровку в Монголию. К этой поездке ученый готовился заблаговременно, осваивая монгольский язык под руководством акад. Б.Я. Владимирцова (1884—1931). С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской поставили перед ним такую же задачу, какую в 1912—1916 гг. решал О.О. Розенберг в Японии, — выяснить перечень письменных памятников, использующихся в системе местного буддийского образования и соответственно являющихся основой воспроизведения религиозной и культурной традиции. Такая информация относительно Тибета и Монголии была необходима для обоснованного отбора произведений, подлежащих первостепенному введению в научный оборот на базе серии «*Bibliotheca Buddhica*» — изданию, переводу на европейские языки и изучению.

Комиссия экспедиционных исследований АН СССР предоставила М.И. Тубянскому командировку сроком на один год. Это время ученый провел в Улан-Баторе, обследуя библиотеку монастыря Гандан, крупнейшего в Монголии буддийского образовательного центра, продолжавшего поддерживать тесные связи с Тибетом. М.И. Тубянский в целях сближения с духовенством взялся за преподавание там санскрита. На основе учебника Бюлера он составил на тибетском языке лекции по санскритской грамматике для монахов, обучавшихся в Гандане. В качестве вознаграждения за труд российскому ученому предоставлялись консультации по буддийской философии, а также сведения о произведениях, которые издавна продолжали воспроизводиться ксилографическим способом для обеспечения учебного процесса необходимой литературой.

О своем пребывании в Гандане и проделанной в течение года работе М.И. Тубянский сообщил в 1928 г. Ф.И. Щербатскому в обширном письме¹². Оно и послужило основой отчета, составленного Ф.И. Щербатским для Комиссии экспедиционных исследований¹³. В отличие от своего учителя, обоснованно предполагавшего, что письма из-за рубежа подвергаются перлюстрации, М.И. Тубянский не принимал необходимой предосторожности. В его письме отмечалось, что ученое духовенство Гандана пытается противодействовать монгольским революционным властям, стремившимся с помощью законодательных мер изменить прежний уклад религиозной жизни, запретив, в частности, налогообложение населения в пользу монастырей и священства.

Благодаря отчету Ф.И. Щербатского сроки пребывания М.И. Тубянского в научной командировке были продлены, так как года для выполнения запланированной работы не хватило. В 1930 г. в ходе обследования монастырского древлехранилища российскому ученому посчастливилось обнаружить санскритскую рукопись, которая содержала четыре религиозных гимна, принадлежащих авторству Нагарджуны и совокупно известных под названием «Чатухстава». Эти сочинения основателя махаянской школы Мадхьямака считались утрачен-

¹² Оригинал письма хранится в СПбФ АРАН (Ф. 723. Оп. 3, ед.хр. 218. Лл. 19—23).

¹³ Отчеты Ф.И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии. Опубликовано Я.В. Васильковым. См.: Васильков, 1998, с. 109—111.

ными. М.И. Тубянский принялся за подготовку новонайденных текстов к публикации в серии «*Bibliotheca Buddhica*» и в процессе анализа первого из гимнов — «Нирупама-става» пришел к выводу о наличии в нем строк, указывающих на принадлежность Нагарджуны к буддийской тантрической традиции¹⁴. Текстологическая работа увлекла ученого, и он, надеясь по ее завершении продолжить поиски санскритских рукописей в местных монастырях, хотел задержаться в Монголии.

Но в том же году служебные отношения М.И. Тубянского с АН СССР были прекращены, поскольку он не смог выполнить заявленные прежде задачи своей научной командировки¹⁵. Неудача постигла ученого и в связи с приоритетом на издание «Чатухаставы» — санскритская рукопись гимнов Нагарджуны была также обнаружена итальянским буддологом Дж. Туччи в одном из буддийских монастырей в предгорьях Гималаев и вскоре издана им.

М.И. Тубянский все же нашел способ продлить свое пребывание в Монголии, устроившись научным консультантом Советского Полпредства.

Ученый комитет МНР¹⁶ предложил ему также занять должность ученого секретаря в этой структуре. В данной должности М.И. Тубянский пребывал по 1936 г., сочетая научно-организаторскую работу с продолжением собственных исследований. Свои труды он публиковал в журнале «Современная Монголия», выходившем в Улан-Баторе на русском языке.

По линии Ученого комитета МНР российский исследователь инициировал разработку двух коллективных проектов — составление тибетско-монгольского словаря, а затем и словаря-справочника по тибетской медицине, исторически укоренившейся в традиционной культуре монголов, бурят и калмыков.

Для М.И. Тубянского-буддолога, подчеркнем, изучение письменных источников по тибетской медицине не являлось некоей посторонней темой, продиктованной конъюнктурными соображениями. Исследование этого предмета предусматривалось в планах деятельности Института буддийской культуры АН СССР¹⁷, так как тибетская медицина являлась неотъемлемым компонентом центрально-азиатской буддийской традиции. Итоги своей работы в данном направлении ученый изложил в крупной теоретической статье, подготовленной в соавторстве с командированным в МНР советским врачом-исследователем С.Ю. Беленьким

---

¹⁴ См. незаглавленный автограф М.И. Тубянского: АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1, ед.хр. 34. Л. 13).

¹⁵ Черновой набросок заявления М.И. Тубянского о задачах командировки хранится в АВ ИВР РАН (Ф. 53. Оп. 3, ед. хр. 56. Л. 1–2).

¹⁶ На базе Ученого комитета Монгольской Народной Республики была позднее создана АН МНР.

¹⁷ В апреле 1929 г. Ф.И. Щербатской и А.И. Востриков составили записку «К вопросу об организации изучения естественно-научной и медицинской литературы в Институте буддийской культуры». Опубликованный текст записки см.: Ермакова, 2011, с. 212.

(Тубянский, Беленький, 1935, с. 39–84). Изучение тибетской медицины и в первую очередь используемого в ней растительного лекарственного сырья было развернуто в советской науке того времени в связи с прогнозированием неизбежного начала Второй мировой войны. Как предполагалось, при захвате противником большей части европейской территории страны поставщиком лекарственного сырья и новых фармацевтических препаратов станет Восточная Сибирь, где могли быть адаптированы многие виды растений, применяемых в тибетской медицине. Кроме того, было известно, что тибетские лекари владели не изученными европейской медициной методами безлекарственного восстановления здоровья. Заимствовать этот многовековой ценнейший опыт и стремились советские врачи, опираясь на содействие востоковедов. В данном аспекте научно-исследовательская программа Института буддийской культуры АН СССР тесно соприкасалась с государственными интересами. М.И. Тубянский, участвовавший в 1927 г. в ее предварительной разработке совместно с Ф.И. Щербатским и С.Ф. Ольденбургом, именно в Монголии получил возможность воплотить в жизнь планы, намеченные основоположниками Санкт-Петербургской буддологической школы.

В русле программы Института буддийской культуры развивался и другой вектор исследований М.И. Тубянского — изучение традиционного типа хозяйства монголов как одного из кочевых этносов буддийской Центральной Азии. Импульсом к началу этих его исследований послужили революционные преобразования в области экономики и сельского хозяйства, развернувшиеся в Монголии с 1929 г. Модернизация сельского хозяйства осуществлялась монгольским руководством в сугубо левом духе, без учета сложившихся традиций, а главное — географического фактора, природно-климатических условий страны. М.И. Тубянский как деятель Ученого комитета МНР предпринял попытку повлиять с позиций науки на этот деструктивный процесс. Он исследовал трактат традиционного ученого То-вана «Наставление» и опубликовал в 1935 г. в «Современной Монголии» перевод трех глав из этого произведения, в которых характеризуется исторически сложившийся кочевнический тип хозяйственной деятельности монголов. В этом же журнале вышли в свет и статьи М.И. Тубянского, посвященные данной проблематике¹⁸.

Но в фокусе научных интересов М.И. Тубянского оставалось буддийское письменное наследие. В том же 1935 г. он опубликовал в «Современной Монголии» статью, панорамно раскрывающую различные аспекты монгольской письменной традиции в контексте истории буддийской культуры, — «Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода». В ней говорилось, в частности, что письменные памятники, созданные монгольскими авторами, слабо известны западноевропейским и российским ученым, в то время

¹⁸ После гибели М.И. Тубянского его статьи о кочевом скотоводстве и перспективах его модернизации были подвергнуты огульной критике. См.: Лукьянов, 1939, с. 94–108.

как былая эрудированность носителей культуры уходит в прошлое. Как буддолог М.И. Тубянский подчеркивал необходимость изучения монгольского письменного наследия с учетом «истории идеологии всего центральноазиатского общества, частью которого была Монголия» (Тубянский, 1935, с. 14). В статье отчетливо очерчивалась выдающаяся роль бурятского монголоведа-филолога Ц.Ж. Жамцарано¹⁹ в коллекционировании и изучении монгольских рукописей и старопечатных изданий. Важно подчеркнуть, что в данной работе М.И. Тубянский уделил значительное внимание произведениям монгольских авторов на тибетском языке. Наличие тенденции к появлению такого пласта в письменном наследии монголов было впервые определено акад. В.П. Васильевым, разбором рукописей которого, как говорилось выше, М.И. Тубянский занимался в 1926 г. вместе с С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским. Давние наблюдения В.П. Васильева получили подтверждение в исследованиях М.И. Тубянского, серьезно изучившего произведения буддийских авторов-монголов, предпочитавших составлять свои трактаты именно на тибетском языке. Вклад М.И. Тубянского в развитие академической науки в Монголии получил высокую оценку со стороны руководства республики — в 1936 г. ученого наградили Трудовым орденом МНР 1-й степени.

В фонде № 53 АВ ИВР РАН отложились, к сожалению, лишь немногие рабочие материалы, раскрывающие тематику буддологических исследований М.И. Тубянского в Монголии²⁰. Это выписки из оригинальных текстов, переводы отрывков из монгольских буддийских трактатов, написанных на тибетском языке, в частности, перевод главы «О материалистах» из сочинения Чже Дорин-хамбо (XIX в.), каталог (dkar-chag) произведений Рин-хьяна, снабженный указаниями места и времени ксилографического издания, черновой список тибетоязычных монгольских источников, предназначенных для составления индекса авторов. Ряд материалов свидетельствует о повышенном интересе М.И. Тубянского к буддийскому ритуальному комплексу Цам, сложившемуся в этнографической действительности Тибета и получившему распространение в Монголии и Бурятии. Эта линия научных интересов М.И. Тубянского роднит его с С.Ф. Ольденбургом, подчеркивавшим важность изучения ритуально-культурного аспекта буддизма.

По возвращении М.И. Тубянского из Монголии Ф.И. Щербатской ходатайствовал о его зачислении в ИВ АН СССР²¹. Ожидая в Москве решения этого вопроса, М.И. Тубянский несколько месяцев преподавал в Коммунисти-

---

¹⁹ Жамцарано Ц.Ж. (1880–1942) занимал должность ученого секретаря Ученого комитета МНР до М.И. Тубянского. В начале 1930-х гг. он был обвинен в «правом уклоне» и исключен из Монгольской народно-революционной партии. С 1932 по 1937 гг. работал в штате ИВ АН СССР.

²⁰ См.: АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1, ед. хр. 50.

²¹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 610. Л. 1.

ческом университете трудящихся Востока (КУТВе)²². В штат ИВ АН СССР он был зачислен 15 апреля 1937 г. на должность старшего научного сотрудника и приступил к работе в составе возглавлявшегося Ф.И. Щербатским Индо-тибетского кабинета. Дирекция Института обязала М.И. Тубьянского в течение ближайшего полугода представить к защите кандидатскую диссертацию, посвященную изложению индийских материалистических учений по тибетским источникам.

В связи с этой темой следует отметить, что изучение материалистических философских воззрений в мыслительных традициях Востока и, в частности, Индии оставалось единственной возможностью сохранить во второй половине 1930-х гг. Санкт-Петербургскую (Ленинградскую) буддологическую школу. Парадокс предмета исследования индийского материализма состоял в том, что воззрения адживиков, локаятиков и других материалистов древней Индии были систематически изложены лишь в трактатах их критиков, преимущественно буддийских авторов. И именно буддийские источники, индийские, тибетские и монгольские тибетоязычные, позволяли осуществить научную реконструкцию материалистической линии в истории философской мысли Южной Азии. Собственные тексты материалистов сохранились только во фрагментах и цитатах оппонентов этих учений. Ф.И. Щербатской с учетом данного обстоятельства и идеологических установок советской философской науки на приоритет изучения материалистического наследия вовсе не возражал против требований дирекции Института, предъявленных к теме диссертации М.И. Тубьянского. Более того, другой его ученик — М.С. Троицкий (1901—?), талантливый ученый-санскритолог, работал в то время над диссертационным исследованием «Материализм в древней Индии» (Троицкий, 1936), в основу которого были положены трактаты буддийских философов — Шантаракшиты и Камалашилы, посвященные опровержению индийского материализма.

Однако М.И. Тубьянский так и не приступил к решению поставленной перед ним задачи. Вместо этого он начал писать работу по Ваджраяне — тантрическому направлению в буддизме. Неозаглавленный автограф этого неоконченного сочинения хранится в АВ ИВР РАН, в персональном фонде ученого (АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1, ед. хр. 34. Лл. 1—19). Интерес к тантрическому буддизму возник у него в период пребывания в Монголии. Изучая монастырские древлехранилища и учебную программу Гандана как буддийского образовательного центра, он убедился, что тантра и тантрические источники продолжают играть важную роль в культуре буддийской Центральной Азии.

Как бенгалист М.И. Тубьянский был также знаком с индуистской тантрической традицией, процветавшей в средневековом бенгальском шиваизме, и был

²² КУТВ, учрежденный в 1921 г., готовил партийных, комсомольских и профсоюзных работников для республик и областей советского Востока и прекратил свою деятельность в конце 1930-х гг. в связи с созданием местных высших учебных заведений.

в курсе зарубежных исследований по данному вопросу. В пользу этого свидетельствует ссылочный аппарат в его неоконченном труде. Как буддолог он изучил исключительно важную роль тантризма в историческом процессе укоренения буддизма в Тибете. В своем исследовании он учитывал и то обстоятельство, что за исключением германского ученого-источниковеда и археолога А. Грюнведела большинство западноевропейских коллег-буддологов первой трети XX в. квалифицировали индийский тантрический буддизм в качестве поздней формы, свидетельствующей о социокультурной деградации буддийского учения и полагали, что Ваджраяна может заинтересовать лишь этнографов и социальных антропологов, изучающих синкретические народные религиозные культы. Но Ф.И. Щербатской имел на этот счет иное мнение, и вслед за своим учителем М.И. Тубянский стремился показать махаянские философские основы буддийской тантры и выявить историко-культурную закономерность развития Ваджраяны как догматически аутентичного направления в буддизме. Он, подобно Ф.И. Щербатскому и С.Ф. Ольденбургу, рассматривал тантрический буддизм в аспекте созданной в русле данного направления литературной традиции.

По своей проблематике эта последняя научная работа М.И. Тубянского, подобно проблематике его исследований в Монголии, также соответствовала программе изучения школ и направлений буддизма, разработанной С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским при его непосредственном участии. До своей трагической гибели ученый успел тематически завершить лишь рассмотрение буддийской тантрической традиции в Индии.

К изучению Ваджраяны М.И. Тубянский подошел не только как ученик Ф.И. Щербатского, заинтересованный в раскрытии философского содержания тантрического буддизма, но и как идейный последователь С.Ф. Ольденбурга, подчеркивавшего научную значимость исследования народных религиозных культов Индии (Ольденбург, 1991). В исследовании М.И. Тубянского рельефно очерчивается так называемый гендерный аспект Ваджраяны, в частности, акцентируется роль женщин как тантрических наставниц и авторов сочинений. В изучении данного аспекта М.И. Тубянский намного опередил буддологию своего времени. Отметим в этой связи, что первая зарубежная работа, посвященная гендерному аспекту Ваджраяны, вышла в свет только в 1994 г. (Show, 1994).

М.И. Тубянский в своем исследовании показал, что тантрические «тайные ритуалы» и специфические религиозные практики возникли не вследствие мнимой социокультурной деградации буддизма, а на базе философских воззрений махаянских школ — Мадхьямаки и Ваджнянавады. Ваджраяна, полагал он, более последовательно воплотила декларирувавшийся Махаяной принцип всеобщности — равной доступности высшей цели религиозной жизни, Просветления для мужчин и женщин, монахов и мирян, высокородных аристократов и выходцев из низов общества.

Но завершить этот труд он не успел. В Ленинграде и Москве с зимы 1937 г. шли аресты ученых-тибетологов и монголоведов²³, подозревавшихся в связях с националистически настроенным буддийским духовенством Монголии и Бурятии и подрывной деятельности, связанной с идеями отторжения от СССР центральноазиатских территорий и создания нового государства — некоей «Пан-Монголии» под протекторатом милитаристической Японии. М.И. Тубянский оказался в числе арестованных 12 августа 1937 г. Тремя днями позже его заочно уволили из ИВ АН СССР. По постановлению Особого совещания при НКВД ученый был подвергнут высшей мере наказания — расстрелу 24 ноября 1937 г.

Посмертная реабилитация М.И. Тубянского состоялась спустя три десятилетия, 15 апреля 1957 г. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР прежний приговор был отменен за отсутствием состава преступления²⁴.

Сокращения

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов ИВР РАН

ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН СССР

СПбФ АРАН — Санкт-петербургский филиал Архива РАН

Литература

Воробьева-Десятовская М.И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. — СПб.: 2011.

Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — М.: 1972.

Гнатюк-Данильчук А.П. Религиозные взгляды Тагора — индийские и европейские корни в освещении М.И. Тубянского // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. — М.: 1990.

²³ В феврале 1937 г. был арестован Б.Б. Барадийн (1878–1937), ученик Ф.И. Щербатского и С.Ф. Ольденбурга, выступавший с 1905 г. видным идеологом буддийского обновленческого движения; с марта 1936 г. до времени ареста являлся научным сотрудником ИВ АН СССР. В апреле арестовали проф. А.И. Вострикова (1904–1937), руководителя тибетской группы в составе Индо-тибетского кабинета ИВ АН СССР. В июне — коллегу М.И. Тубянского по преподавательской работе в КУТВе проф. Э.-Д. Ринчино (1888–1938), монголоведа-лингвиста, историка, политолога, публициста, коминтерновского деятеля, состоявшего в 1921–1924 гг. председателем Реввоенсовета Монгольской народной армии. 11 августа был арестован и Ц.Ж. Жамцарано. См: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период / Издание подготовили Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина, 2003, с. 53, 106, 161–162, 327.

²⁴ Копия документа о посмертной реабилитации М.И. Тубянского хранится в его личном деле, в СПбФ АРАН (Ф.152. Оп. 3, ед. хр. 610. Л. 11).

Ермакова Т.В. Документы по деятельности акад. Ф.И. Щербатского 1920-х гг. // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Составители М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская. — СПб.: 2011.

Ермакова Т.В. Концептуальные идеи в трудах А.И. Вострикова, Е.Е. Обермиллера, М.И. Тубянского // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Составители М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская. — СПб.: 2011.

Зограф Г.А. Новоиндийская филология // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — М.: 1972.

Зограф Г.А. Становление новоиндийской филологии в Ленинграде // Ученые записки ИВ АН СССР. 1960. Т. 25.

Кононов А.Н., Иорши И.И. Ленинградский восточный институт. — М.: 1977.

Лукьянов П.С. «Научные» рассуждения Тубянского и К^о о кочевничестве // Современная Монголия. — 1939. № 1/2.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Издание подготовили Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. — СПб.: 2003.

Мультатули. Такс Хавелар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества / Перевод с голландского, введение и примечания М.И. Тубянского. — М.: 1927. Второе, стереотипное, издание. — М.: 1936.

Ольденбург С.Ф., Щербатской Ф.И., Тубянский М.И. Институт буддийской культуры // Известия АН СССР. Серия 6. — 1927. Т. 21. № 18.

Ольденбург С.Ф., Щербатской Ф.И., Тубянский М.И. О рукописном наследии В.П. Васильева // Известия АН СССР. Серия 6. — 1927. Т. 2. № 18.

Ольденбург С.Ф., Щербатской Ф.И., Тубянский М.И. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В.П. Васильева и В.В. Горского // Доклады АН СССР. Серия В. — 1927.

Отчеты Ф.И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии / Публикация Я.В. Василькова // Огient. Альманах. Вып. 2–3. — СПб.: 1998.

Переписка Ф.И. Щербатского с С.Ф. Ольденбургом // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). — М.: 2008.

Тагор Р. Гений Японии / Перевод с бенгальского М.И. Тубянского. — Пг.: 1919.

Троицкий М.С. Материализм в древней Индии. — М.: 1936.

Тубянский М.И. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. — 1935. № 5(12).

Тубянский М.И. Образцы бенгальской литературы (на бенгали). — Л.: 1923.

Тубянский М.И., Беленький С.Ю. К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. — 1935. № 3(9).

Экономические главы из «Наставления» То-вана / Перевод с монгольского М.И. Тубянского // Современная Монголия. — 1935. № 2(8).

Nyāyapraveśa. I. Sanskrit text ed. and reconstructed by N.D. Mironov // T'oung Pao. — 1931. 1–2.

Show M. Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism. — Princeton: 1994.

Tubyansky M.I. On the Authorship of Nyāyapraveśa // Известия АН СССР. Серия 6. — 1926. Т. 20. № 9.

Summary**E.P. Ostrovskaya****M. I. Tubyansky as a representative of the Russian scholarship**

In the article an analytical survey of works of eminent representative of St. Petersburg school of Buddhist studies Milhail Izrailevich Tubyansky is made. Basing on the materials and documents kept in the Orientalists Archive of IOM RAS and St. Petersburg department of RAS archive, author demonstrates that the problems elaborated by M. I. Tubyansky were in accordance with the complex program of Buddhist studies worked out by S.F. Oldenburg and Th.I. Stcherbatsky in twentieth years of 20th century.

Key words: Buddhism, St. Petersburg school of Buddhist studies, S.F. Oldenburg, Th.I. Stcherbatsky, M.I. Tubyansky.